

917
19

ор 1-77
15024

В.М. ЛЕНИНА
ВОЕН. СЕКТОР

Происхождение вольнаго донского казачества и первая службы донцовъ Россіи.

Л
С 221 пв

13330
39-6909

Трудъ посвящаю милому отцу моему въ 40-лѣтіе его церковно-школьной службы.—Авторъ.

При настоящемъ состояніи источниковѣдѣнія по исторіи Россіи вообще и Подонья въ частности, возникновение и развитие вольнаго казачества въ Донскомъ Полѣ представляется намъ событіемъ 16-го вѣка и слѣдствіемъ двухъ основныхъ, общихъ причинъ.

Первая—это тяжкій для народныхъ низовъ складъ общественныхъ и хозяйственныхъ отношеній въ Московскомъ Государствѣ 16-го столѣтія; вторая—трудныя для Руси международныя отношенія Восточной Европы вообще и деликатно-щекотливыя русско-татарскія отношенія той эпохи въ особенности.

Въ стремленіи къ освобожденію и объединенію всѣхъ русскихъ въ одно государство, къ народнымъ естественнымъ границамъ и удобнымъ морскимъ путямъ въ культурную Европу, Московское княжество при Иванѣ III и Василии III неимоვნно выросло и дружными усиліями правительства и народа превратилось въ свободное отъ татарскаго ига, обширное, мощное и жизнеспособное Московское Государство.

Но жизнь и ростъ—одно и то же, а дальнѣйшій ростъ Москвы могъ совершаться только за счетъ ея сосѣдей. Неудивительно, что всѣ эти шведы, нѣмцы, литовцы съ поляками и татары съ покоренными ими финнами то разрозненными, то совмѣстными усиліями отовсюду и постоянно пытались положить предѣлъ разливу восточно-славянскаго потока, устремившагося теперь съ Валдая вмѣстѣ съ водами Волги, Дона, Днѣпра и Западной Двины, по направленію къ устьямъ этихъ рѣкъ въ далекія моря, границы будущей великой Россіи.

2020232199

При такихъ отношеніяхъ съ сосѣдями, съ ростомъ границъ, повсемѣстной угрожаемостью рубежей и всеобщимъ желаніемъ, наоборотъ, еще раздвинуть ихъ, Московское Государство надолго превращается въ подобіе военного лагеря.

Правительство обратило особое вниманіе на развитіе военныхъ силъ государства и не отступало даже предъ усталостью народа отъ истощающихъ поборовъ людьми, работой и вещами.

Въ это-то время за рѣдкостью денегъ (при господствѣ въ Руси натурального хозяйства) правительство и обезпечило своихъ многочисленныхъ, хорошо вооруженныхъ, искусныхъ и всегда теперь готовыхъ къ походу воиновъ раздачею имъ въ пользованіе на время службы помѣстій, т. е. населенныхъ земледѣльцами государственныхъ земель.

Помѣщики-дворяне, живя теперь работою и взносами крестьянъ, могли предаться всецѣло почти военному дѣлу, а оно отъ того много выиграло; зато положеніе русскихъ земледѣльцевъ чувствительно ухудшилось. Отъ прежней государственной поземельной подати крестьянъ не освободили, а помѣщики обложили населеніе полученныхъ ими за службу земель оброками и работами еще въ свою пользу. Сказывалась иногда чувствительно и самая зависимость крестьянина отъ помѣщика.

Отъ новой нелегкой жизни крестьяне стали уходить съ помѣщичьихъ земель; но помѣщики разными ссудными обязательствами да договорами съ неустойками скоро сумѣли накрѣпко привязать крестьянъ къ землѣ, на которой тѣ жили. Въ случаѣ ухода задолжавшаго крестьянина-дворохозяина безъ расплаты съ помѣщикомъ, послѣдній жаловался властямъ; тѣ, имѣя поводъ для вмѣшательства, полицейскими мѣрами задерживали земледѣльца на помѣщичьей землѣ, а бѣжавшихъ и силою возвращали на старыя пепелища въ прежнюю египетскую работу.

Съ годами крестьяне все живѣе чувствовали потерю прежней воли и достатка. Неудивительно, что наряду съ побѣгами тяглыхъ дворохозяевъ ихъ чистые отъ обязательствъ дѣти, племянники и прочіе домочадцы многолюднаго въ старину крестьянскаго двора все чаще избѣгали «рядиться во крестьяне» къ по-

мѣщику или монастырю: они пытались, вмѣсто земледѣлія, прожить ремесломъ или добывающимъ промысломъ, гдѣ часто приходилось платить только оброкъ на государя.

Въ поискахъ лучшей доли и высшаго заработка такіе люди нерѣдко сдвигались съ родныхъ мѣстъ и брели туда, гдѣ, по слухамъ, жилось всего легче и сытнѣе. Этихъ-то выходцевъ изъ тяглыхъ общинъ съ ихъ осѣдлостью, податями и повинностями въ Руси и прозвали полутатарскимъ именемъ нетяглыхъ казаковъ или гулящихъ людей. За успѣшное соперничество вольныхъ полубродягъ въ наймѣ и ремеслѣ, въ промыслахъ и торгахъ тяглые общины еще въ началѣ 16-го столѣтія выпрашивали себѣ въ Москвѣ особыя льготныя грамоты, коими властямъ наказывалось одинаково наблюдать, чтобы въ городѣ или волости «нетяглымъ казакѣмъ и лихимъ людямъ не быти, а скоморохамъ не играти».

При такомъ отношеніи къ себѣ внутри Руси, а еще, по слухамъ, о высокой заработной платѣ и привольѣ южныхъ окраинъ государства, нетяглые казаки и гулящіе люди всего гуще скоплялись въ украинныхъ городахъ и уѣздахъ. Здѣсь же издавна было довольно и своего перекаати-поля, а лучшія промысловыя уголья и на украинѣ и по ближнему зарубежью давно были порозданы правительствомъ за службу и ли оброкъ. Поэтому-то еще въ 15-мъ столѣтіи вольныя удалыя головы выходили иногда съ украины подальше за рубежъ и въ погонѣ за рыбой, медомъ и мѣхами съ Оки, напримѣръ, проникали на верхнее теченіе Дона съ его притоками—Быстрой Сосной справа и Воронежемъ слѣва.

Съ накопленіемъ на украинахъ нетяглаго гулящаго люда, съ надеждой и удалью поглядывавшаго въ дикую лѣсостепь, прогулки вольницы въ Донское Поле становились все болѣе частыми, дружными и отдаленными; а со срединными глубинами великой пустыни, раскинувшейся отъ Волги до Днѣпра, промышленные украинцы тогда же знакомились при частыхъ проводкахъ русско-турецкихъ посольско-торговыхъ каравановъ отъ Рязани на Окѣ до Азова въ устьяхъ Дона.

Эти походы воочію уясняли ихъ участникамъ, что богатое всѣми благами Донское Поле изобилуетъ укромными крѣпкими

уголками, а глубины его совершенно пустыньны и обычно посѣщаются только мелкими станицами разноплеменныхъ мусульманскихъ грабителей, подстерегающихъ караванъ на Дону или подбирающихся къ русскимъ украинцамъ. Стычки съ хищниками при проходахъ пословъ и купцовъ убѣждали украинное казачество въ полной возможности для ловкихъ, дружныхъ, опытныхъ и вооруженныхъ людей осилить юркую и храбрую, но сбродную и плохо вооруженную толпу татаръ. Къ тому же выводу приходила украинная удаль и въ сшибкахъ при охранѣ границы или при выслѣживаніи грабителей, для чего постоянно нанимали привычныхъ молодцовъ порубежные русскіе воеводы. Въ такихъ разсчетахъ артели русскихъ промышленниковъ съ годами все глубже проникали въ Поле и съ Оки и Прони все ниже спускались по Дону, а съ Десны и Сейма переходили на Донецъ и Осколь.

Не обходилось у нихъ конечно безъ поражений и потерь. Однако нужда—не свой братъ, и вражескіе наѣзды только плотнѣе сбивали промысловое казачество украинъ изъ маленькихъ товариществъ во многолюдныя артели, да заставляли понадежнѣй вооружаться въ дальнія экспедиціи страшнымъ для татаръ «огненнымъ боемъ». Во главѣ промысловыхъ артелей и прежде стояли опытнѣйшіе промышленники, именовавшіеся татарскимъ словомъ «одоманъ»; при нихъ уже тогда могли быть ясаулы—блюстители порядка на «кошгѣ»-становищѣ. Теперь атаманомъ въ опасный походъ выбирали не просто опытнаго въ промыслѣ, но еще храбраго и смѣтливаго человѣка, даровитѣйшаго къ военному дѣлу; сама же вооруженная промысловая артель мало отличалась отъ позднѣйшихъ такихъ же военно-промышленныхъ вольноказачьихъ станицъ, тѣмъ болѣе, что обстоятельства скоро измѣнили и поведеніе артелей въ лѣсостепи. Расширился кругъ ихъ занятій и промысловъ; созданъ новый родъ добычи.

Вѣчно остерегались промышленники въ Полѣ татарскаго аркана или стрѣлы, сторожно подмѣчали сакмы и шляхи хищниковъ, сообщали вѣсти объ ординцахъ и воеводамъ. Но при всемъ томъ теряли удальцы и товарищей своихъ въ Полѣ, наблюдали съ болью въ сердцѣ и зарева пожаровъ на украиняхъ, а по воз-

вратѣ туда узнавали иногда, что ихъ родные и друзья побиты или плѣнены татарами. И пуще озлоблялось тогда военно-промышленное казачество украинъ на всѣхъ вообще бусурмановъ, а въ Донскомъ Полѣ охотно переходило при случаѣ отъ самозащиты противъ ординскихъ и азовскихъ казаковъ татаръ уже къ намѣреннымъ и мѣткимъ ударамъ и по ихъ шайкамъ, и по громоздкимъ улусамъ, и по торговымъ караванамъ полуразбойниковъ ординскихъ пословъ.

На первыхъ порахъ однако погромами занимались только немногіе украинные удалцы, а выходили они преимущественно изъ Мещеры съ ея полутатарскимъ населеніемъ. Последнее образовалось изъ татаръ самыхъ различныхъ ордъ и улусовъ. Они пришли сюда съ бѣглецами царевичами, которымъ Русь давала пріютъ и возможность оправиться для новой драки съ родичами въ степи. Эти же царевичи правили и Городкомъ, столицею Мещеры. Подобный составъ населенія и строй управленія дѣлалъ Мещеру обычной мишенью для набѣговъ степныхъ владыкъ, враждебныхъ царевичу, правившему въ Городкѣ. Въ свою очередь мещеряне чаще всего посылались на развѣдки и караулы въ степи правительствомъ, углублялись въ Поле и по своему почину; а тамъ, смѣшавшись съ татарскими шайками или образовавъ свою, они грабили и праваго, и виноватаго, тѣмъ болѣе, что въ Городкѣ, какъ и въ Азовѣ, на появленіе удалцовъ съ добычей правители смотрѣли до времени сквозь пальцы.

Ну, а разъ здѣсь всего удобнѣе и безъ большого риска возможно было распродать и «всякую погромную рухлядь» и отбитые въ глубинахъ Поля табуны коней, то въ Городокъ естественно стекались отовсюду съ своей добычей и побившіе татаръ рязанскіе казаки, и обчистившіе крымцевъ казаки-севрюки съ Десны и Сейма — изъ Рыльска и Путивля. Изъ Мещеры же любители легкой наживы и кровно обиженные татарами русскіе люди раньше и чаще другихъ мѣстъ украины стали грозными станицами-артелями выходить въ Донское Поле съ предвзятымъ намѣреніемъ поживиться тамъ не только рыбой, пчелой и звѣремъ, но еще и

дикимъ татаринѣмъ. Мещерскій Городокъ на Окѣ уподобился Азову въ устьѣ Дона.

Однако эти выходы окраиннаго казачества очень скоро навлекли на него грозную опалу Москвы, встревоженной раздавшимися въ 1530-хъ годахъ жалобами дружественной ногайской орды на русскихъ людей, казаковавшихъ въ Полѣ. Были приняты мѣры пресѣченія погромовъ, и съ годами онѣ становились все суровѣе, а Городокъ строже и негостепріимнѣе. Мстителямъ за себя и Украину приходилось теперь подумать объ иномъ убѣжищѣ и пріютѣ послѣ разгромовъ татаръ. Оставить же бусурмановъ въ покоѣ мещерскіе и рязанскіе казаки съ севрюками и въ мысляхъ не имѣли, т. к. вреда украинѣ степь съ каждымъ годомъ причиняла все больше и больше, пользуясь труднымъ международнымъ положеніемъ Москвы.

Въ концѣ 15-го вѣка Русь при побѣдахъ надъ Литвою и уничтоженіи Золотой орды опиралась на враждебный послѣднимъ Крымъ. Но въ самые первые годы 16-го столѣтія крымцы Менгли-Гирея окончательно разгромили золотоординцевъ и усилились присоединеніемъ ихъ остатковъ. Тогда же Иванъ III, побѣдивъ и ослабивъ Литву, усилилъ Русь присоединеніемъ отобранныхъ у Литвы областей, а свое оружіе обратилъ на Казань. Международное положеніе теперь рѣзко измѣнилось, и, опасаясь дальнѣйшаго усиленія Руси, крымцы еще при жизни Менгли начинаютъ поддерживать Литву, а въ Казани прямо соперничаютъ съ русскими изъ-за вліянія на тамошнихъ хановъ-царей. Въ войнахъ и раздорахъ на три фронта—съ Литвой, Крымомъ и Казанью Москвѣ оставалось опереться лишь на опасавшуюся Казани и Крыма заволжскую орду ногайцевъ или, по крайней мѣрѣ, заручиться ея благожелательнымъ нейтралитетомъ.

Въ такихъ тискахъ въ Москвѣ считали великимъ благомъ и такой миръ съ ногайцами, когда изъ 300,000 ихъ всадниковъ на Русь не бросались хотя бы тысячныя толпы. Мелкіе набѣги правительство предпочитало терпѣть; запрещало оно отместку татарамъ и со стороны способныхъ на это украинскихъ казаковъ,

ссылаясь на успѣхъ «великаго государева дѣла», т. е. на удачное поддержаніе общаго мира Руси съ Заволжьемъ.

Украинцы же иначе смотрѣли на дѣло. Налеты своевольныхъ ногайскихъ мурзъ, кочевавшихъ между Волгою и Дономъ, казались Мещерѣ и Рязани дѣломъ, вопіющимъ объ отмщеніи. А когда 4—5 тысячъ ногайцевъ ежегоднаго посольско-торговаго каравана, отвѣдя и промѣнявъ подѣ Москвой на русскіе товары отъ 40 до 50 тысячъ степныхъ коней, на обратномъ пути, при выходѣ изъ украины, жгли села и деревни, рубили людей, тащили имущество, угоняли скоть и уводили сотнями плѣнныхъ, то казаки Рязани и Мещеры считали законнымъ возмездіемъ и отгонъ лошадей у новаго каравана на пути его къ Москвѣ, и разгромъ его частей по выходѣ обратно въ степь. Междуплеменная ненависть разгоралась, счеты запутывались, и тщетно Москва предписывала искать, ловить и казнить въ Городкѣ «разбойниковъ», мстившихъ ногайцамъ за ихъ неистовства, въ родѣ подрѣзыванія сухожилій у плѣнниковъ, брошенныхъ изъ-за усталости ихъ въ степи, чтобы не возвратились они на родину, да не выдали лукавыхъ пословъ и свирѣпыхъ купцовъ-погромщиковъ.

Гоненія на казаковъ, погромившихъ ногайцевъ, привели лишь къ тому, что, по выраженію документа 1530-хъ годовъ, «мещерской казакъ... (участникъ погрома)... съ поля не ѣдетъ», уже, основательно опасаясь въ Городкѣ страшной пlahи или смрадной тюрьмы. Съ теченіемъ времени убѣжище въ Полѣ потребовалось уже не отдѣльнымъ лицамъ, а многимъ мещерянамъ, рязанцамъ, тулякамъ и севрюкамъ; найти же его украинному казачеству показалось не такимъ ужъ труднымъ дѣломъ, какъ это представилось бы человѣку, незнакомому съ военно-промысловымъ бытомъ украинцевъ того времени.

Еще около 1520-го года казаки-севрюки въ зимнюю стужу уходили съ р. Десны на нѣсколько дневныхъ переходовъ въ глубь Поля, бросая тамъ повозки и лошадей въ случаѣ нужды въ какихъ-то убѣжищахъ своихъ «ухожьевъ». Тогда же покинутые азовскими провожатыми «въ донской пустотѣ» русско-турецкіе послы въ весеннюю распутицу встрѣтили пару рязанскихъ каза-

ковъ въ низовѣ р. Воронежа, при чемъ опытные промышленники умѣло и доброжелательно укрыли пословъ и казну ихъ на лѣсистомъ островкѣ при впаденіи рѣчки Усмани въ рѣку Воронежъ.

Въ тѣхъ же 1510-хъ годахъ, наконецъ, промышленники русскихъ окраинъ заводили уже, повидимому, въ глубинѣ Поля Osborne зимовники. За 1520-ые годы военно-промышленныя ухажья подвинулись, конечно, еще глубже въ Поле; выбираться на окраину со всѣмъ скарбомъ погустѣвшимъ и уплотнившимся полубоевымъ артелямъ-станциямъ стало еще труднѣе; и скорѣе теперь скрытнымъ убѣжищамъ отъ непогоды, звѣрей и людей недоставало осѣдлаго населенія, чѣмъ удалъ, пожелавшая осѣсть въ пустынь, не нашла бы себѣ здѣсь надежныхъ зимовищъ и опорныхъ пунктовъ. Это то постоянное населеніе и оживляетъ, наконецъ, временныя промысловыя пріюты, прочно занимая и умножая ихъ въ концѣ 1530-хъ и въ 1540 хъ годахъ.

То было время малолѣтства и сиротства будущаго перваго царя русскаго Ивана Васильевича Грознаго, — время тяжелаго боярскаго управленія Московскимъ государствомъ. Тогда внутри его царили рознь и всякое «воровство» бояръ въ Москвѣ, произволъ и насилія воеводъ по городамъ да повсемѣстныя несправедливости и вымогательства мелкой приказной сошки. Уже потряхнеть подростшій Грозный всю эту челядь; но пока она нещадно угнетала осиротѣвшее простонародье. Во внѣшнихъ сношеніяхъ бояре уронили достоинство Руси до того, что ногайскій князь въ началѣ своей грамоты къ будущему Грозному-царю, вмѣсто обычнаго пышнаго привѣтствія, пренебрежительно писалъ: «неправому вѣроу князю Ивану поклонъ!» Наглость порубежныхъ ногайцевъ замѣтно усиливалась. Бѣдствія украинъ росли годъ отъ году.

А между тѣмъ время боярщины пренебреженіемъ властей ко всякому праву и правдѣ поставило многихъ честныхъ и твердыхъ людей, совсѣмъ независимо отъ ихъ злой воли, внѣ права и защиты закона. Въ безсудной тогда русской землѣ не одна пылкая голова расправлялась съ обидчикомъ за разореніе семьи, за безчестье сестры, за личное, наконецъ, нестерпимое оскорбленіе ко-

роткимъ, но мѣткимъ ударомъ. И много такихъ «разбойниковъ», что, по тогдашнему выраженію, въ Московскомъ Государствѣ «учинили многое лихо», отъ суда совѣсти, суда присяжныхъ, услышали бы твердое: «нѣтъ, невиновенъ». А у «разбойниковъ» тоже была совѣсть, и чище совѣсти ихъ судей. И эта совѣсть говорила имъ, что если они несовѣмъ правы, то и не до конца виноваты. А между тѣмъ ихъ всѣхъ ждала та вѣковѣчная и смрадная тюрьма, то ужасная и позорная плаха. И «лихіе люди» бѣжали изъ тюремъ.

Однако эти «разбойники» не шли въ товарищи къ настоящимъ отвратительнымъ разбойникамъ средне-русскаго дремучаго лѣса. Люди, совершившіе будто бы «многія воровства», избѣгая общества прямыхъ воровъ, приходили на украину, а въ составѣ здѣшнихъ артелей-станицъ выходили и въ Донское Поле на честный мирный промыселъ да на опасный бой съ врагами креста Христова, Царя православнаго и народа русскаго. Здѣсь многіе, споткнувшіеся на жизненномъ пути, крѣпко старались заслужить и свой грѣхъ передъ Богомъ и «холопью вину передъ великимъ государемъ», селясь на прочное житье объ руку съ опальными и тоже невинными окраинцами, на бѣду себѣ отличавшимися мстью татарамъ.

А къ этимъ святымъ грѣшникамъ, отдавшимъ свое счастьедолю за ближнихъ своихъ, копились еще удалые выходцы изъ заднѣпровской, черкасской Малороссіи, гдѣ все русское и православное попиралось тогда поляками, а крестьянство попадало въ кабалу къ помѣщикамъ изъ поляковъ же католиковъ или русскихъ вѣроотступниковъ и измѣнниковъ своей народности.

Однако черкасы обычно могли, полагаясь на безнаказанность отъ корыстолюбивыхъ польско-литовскихъ старостъ и приднѣпровскихъ каштеляновъ, громить татаръ и все же, за исключеніемъ крайнихъ удалцовъ, возвращаться на заднѣпровскую украину безъ особаго риска для себя. Русскимъ же казакамъ нужно было выйти совершенно за предѣлы государства, стать внѣ его юрисдикціи, оказаться въ своеобразномъ полунезависимомъ положеніи, чтобы употреблять активную тактику въ самозащитѣ своей отъ татаръ.

Пока казачество было городовымъ, украиннымъ, оно безъ риска рѣдко могло сдѣлать больше храброй схватки съ татарами въ Полѣ и уничтоженія нѣсколькихъ разбойниковъ при самозащитѣ отъ нихъ. Всякое *нападеніе* русскихъ казаковъ на татаръ давало имъ поводъ напасть на украинныя и обосновывать набѣгъ отместкой русскимъ. Правительство же не могло жертвовать спокойствіемъ и интересами всей страны изъ-за «польскихъ схватокъ», изъ-за украиннаго «казакovanja въ Полѣ». За ногайской жалобой слѣдовали строгіе розыски по указанному адресу; полонь, лошади и прочее добро служили уликой, и наиболѣе дерзкіе промышленники-добычники несли строжайшую кару, на которую Москва всегда была такъ щедра.

Положеніе дѣлъ измѣнилось лишь въ тотъ моментъ, когда въ Полѣ въ силу общаго хода дѣлъ появились свободныя осѣдлыя русскія общины. Русскій казакъ освободился теперь отъ нужды, «учинивъ лихо бусурманамъ», вскорѣ, а то и сейчасъ же «ѣхать въ свою землю», рискуя попасть въ петлю. Онъ могъ пожить въ Полѣ, пока утихнетъ поднятый по поводу погрома шумъ, будетъ сбытъ полонь, животныя и рухлядь. Эта добыча распродавалась въ Руси же; но теперь правительство уже не было обязано къ строгостямъ, ибо всегда могло отговориться предъ степеняками отъ причастности къ ихъ убыткамъ ссылками на всѣмъ извѣстное существованіе въ нейтральномъ Полѣ, далеко отъ Руси, внѣ ея границъ и компетенціи, вольныхъ поселеній независимаго и лишь по составу преимущественно великорусскаго люда.

Этихъ людей на дипломатическомъ языкѣ сразу прозвали разбойниками; фактически же отшельники въ своей массѣ представляли собою вольныхъ промышленниковъ-казаковъ, честныхъ людей, дававшихъ лишь справедливый отпоръ татарамъ приѣмами активной тактики. Поневолѣ оставшіеся изъ-за того въ Полѣ, удалцы кстати сдѣлали возможными самыя дальніе «польскіе» промыслы и для русскихъ окраинцевъ помирнѣе. Послѣдніе своимъ текучимъ (временнымъ и перемѣннымъ) составомъ поддерживали и все усиливали вольныя гнѣзда первыхъ русскихъ пионеровъ въ Полѣ и въ свою очередь находили теперь у вольныхъ казаковъ и